

Глава 1

Пассажир, который не мог уснуть

Случайности на каждом шагу! Еще накануне Мегрэ и сам не знал, что его ожидает дорога. Впрочем, наступило время, когда Париж становился ему в тягость: месяц март с легким привкусом весны, с ярким и уже хорошо пригревающим надоедливым солнцем.

Мадам Мегрэ на пару недель отправилась в Эльзас к сестре, которая ожидала ребенка.

В среду утром комиссар получил письмо от бывшего коллеги по судебной полиции, два года назад ушедшего на пенсию и обосновавшегося в Дордони.

«...Имей в виду, что, если тебя занесет каким-нибудь ветром в наши края, ты обязательно должен провести несколько дней у меня. Моя старенькая служанка перестает ворчать только в том случае, когда дом полон гостей. Кстати, начинается сезон ловли лосося...»

Незначительная деталь заставила Мегрэ задуматься: приятель использовал для письма бланк; сверху на нем была изображена небольшая усадьба, украшенная двумя круглыми башенками. Рисунок сопровождался надписью: Ля Рибодьер, Виллефранш-в-Дордони.

В полдень из Эльзаса позвонила мадам Мегрэ. Она сообщила, что роды ожидают ближайшей ночью, и добавила:

— Можно подумать, что наступило лето... В садах расцвели деревья!

Случай... И снова случай... Немного позже Мегрэ заглянул в кабинет шефа, чтобы немного поболтать.

— Кстати... Вы еще не побывали в Бордо с проверками, о которых у нас как-то был разговор?

Пустьяковое дельце. Ничего срочного. При случае Мегрэ нужно было съездить в Бордо, порыться в городском архиве.

Невольная ассоциация: Бордо — Дордонь.

В это мгновение солнечный луч упал на хрустальный шар, служивший шефу пресс-папье.

— Отличная мысль! Я как раз закончил все дела...

* * *

Вечером он сел в поезд на вокзале Орсэ, взяв билет первого класса до Виллефранш. Кассир предупредил его, чтобы он не забыл о пересадке в Либурне.

— Если, конечно, вы не окажетесь в спальном вагоне, который прицепляют к другому составу на станции пересадки...

Мегрэ не обратил внимания на эти слова. Полистав газеты, он отправился в вагон-ресторан, где и просидел до десяти вечера.

Вернувшись в купе, он увидел, что занавески задернуты и включен ночник. Оба сиденья оккупировала пожилая супружеская пара.

Он обратился к проходившему мимо проводнику:

— У вас, случайно, не найдется свободного спального места?

— В первом классе нет... Хотя, думаю, во втором найдется местечко. Если, конечно, вам все равно...

— Черт возьми, еще бы!

Через минуту Мегрэ уже тащил свой саквояж по коридорам. Проводник распахивал одну дверь за другой, пока наконец не обнаружил купе, в котором оказалась занята только верхняя полка.

Здесь тоже были задернуты занавески и горел ночник.

— Включить вам верхний свет?

— Спасибо, не нужно.

В купе царит влажная, почти тропическая жара. Откуда-то доносится негромкий свист, похожий на утечку пара из дырявой трубы отопления. Кто-то ворочается на верхней полке, ворочается и громко вздыхает.

Комиссар разувается, стараясь не шуметь, снимает куртку и жилет. Едва улегшись, он достает котелок и прикрывает им голову, потому что его беспокоит легкий сквозняк, дующий неведь откуда.

Трудно сказать, заснул ли он. Во всяком случае задремал. На час, может, на два. Все это время он наполовину бодрствовал. В полусне им постоянно владело чувство тревоги. Может быть, из-за жары, с которой боролся сквозняк?

Нет, скорее, из-за человека наверху, который не переставал ворочаться.

Сколько раз в минуту он переворачивался с боку на бок? А ведь он находился как раз над головой Мегрэ. При каждом его движении Мегрэ хотелось заткнуть уши.

И дыхание у него было тяжелым, словно у больного.

В итоге раздраженный Мегрэ поднялся и вышел в коридор, где принялся шагать взад-вперед. К сожалению, в коридоре было слишком холодно.

Снова купе, снова полусон, искажающий мысли и ощущения.

Впечатление полной оторванности от окружающего мира. Погруженность в атмосферу кошмара.

Кажется, человек на верхней полке приподнимается на локте и наклоняется, чтобы рассмотреть попутчика.

В то время как Мегрэ не находит в себе мужества, чтобы пошевелиться. Полбутылки бордо и две рюмки дорогого коньяка, выпитые в вагоне-ресторане, свинцовым грузом лежат в желудке.

Ночь кажется бесконечной. На остановках до купе доносятся смутные голоса, шаги в коридоре, хлопанье дверей. Начинаешь волноваться, двинется ли поезд дальше.

Кажется, что человек наверху плачет. Временами он перестает дышать. Потом неожиданно начинает сопеть. Переворачивается. Сморкается.

Мегрэ жалеет, что не остался в своем купе первого класса вместе с пожилыми супругами.

Он засыпает. Потом просыпается. Снова засыпает. Он больше не может терпеть. Он кашляет, чтобы прочистить горло.

— Прошу вас, постарайтесь вести себя потише.

Ему неловко, потому что голос звучит гораздо резче, чем хотелось бы. А если человек просто болен?

Тот не отвечает. И не двигается. Вероятно, он изо всех сил старается избежать малейшего шума.

И у Мегрэ внезапно мелькает мысль: действительно ли это мужчина? Ведь это вполне может быть и женщина. Он же не видел своего соседа! Его невозможно разглядеть в узком пространстве между полкой и потолком вагона.

Жара становится удушающей. Мегрэ пытается отрегулировать радиатор, но тот явно испорчен.

Уф! Только три часа ночи.

На этот раз он должен уснуть!

Но сна ни в одном глазу. Он нервничает почти так же, как его попутчик. И выжидает.

Ладно! Он попробует еще раз...

И Мегрэ заставляет себя дышать равномерно и считает до пятисот, надеясь погрузиться в сон.

Но мужчина на самом деле плачет! Возможно, он приезжал в Париж на похороны! Конечно, все может быть иначе — это бедняга, работающий в Париже и получивший плохую весть из провинции: его мать больна, а может быть, даже скончалась... Или что-то с его женой... Мегрэ чувствует угрызения совести: он был так груб с ним... Кто знает? Иногда к поезду прицепляют катафалк...

А тут еще сестра жены в Эльзасе, которая вот-вот должна родить! Надо же — три ребенка за четыре года!

Мегрэ спит. Поезд останавливается, потом снова трогается. С оглушительным грохотом он проносится по металлическому мосту, и Мегрэ внезапно открывает глаза.

Он лежит неподвижно, уставившись на свисающие перед ним ноги. Человек на верхней полке сидит. Он зашнуровывает туфли, стараясь избежать малейшего шума. Сейчас Мегрэ впервые видит хоть что-то, относящееся к соседу по купе. Несмотря на тусклый свет ночника, он замечает, что у того лакированные туфли, частично закрывающие голень. А вот носки у него из серой шерсти и, похоже, ручной вязки.

Человек замирает. Может быть, он прислушивается к дыханию Мегрэ, изменившему ритм? Комиссар снова начинает считать.

Но ему это плохо удается, потому что он заинтересованно смотрит на руки, завязывающие шнурки. Они дрожат так сильно, что человеку приходится несколько раз начинать один и тот же узел.

Поезд, не останавливаясь, проскакивает какую-то небольшую станцию. Сквозь занавески видно мелькание фонарей.

Человек спускается! Происходящее все больше и больше напоминает кошмар. Он мог бы спуститься обычным способом, но, по-видимому, опасается получить еще один выговор и поэтому все усложняет. Его нога долго пытается нащупать приставную лесенку. Несколько раз он рискует сорваться. Наконец, он внизу, повернувшись спиной к комиссару.

Выходит из купе, забыв закрыть за собой дверь, и устремляется по коридору.

Если бы не открытая дверь, Мегрэ, конечно, попытался бы воспользоваться возможностью уснуть. Но ему приходится встать, чтобы закрыть ее. И он смотрит в ту сторону, куда побежал мужчина.

Он едва успевает накинуть куртку, забыв про жилет.

Потому что незнакомец в конце коридора распахнул двери вагона. И сделал это не случайно! В этот момент поезд притормаживает. Сбоку от железной дороги тянется лес. Редкие облака освещены спрятавшейся за них луной.

Скрежешут тормоза. Поезд значительно снизил скорость: с восьмидесяти километров до тридцати, если не меньше.

Мужчина прыгает — и исчезает за склоном насыпи, по которой он, должно быть, съехал на спине. Мегрэ, не теряя времени на размышления, прыгает следом. Поезд в это время еще больше замедлил ход, и он ничем не рискует.

Мгновение в пустоте. Он падает на бок и катится вниз. Сделав несколько оборотов, останавливается, уткнувшись в ограду из колючей проволоки.

Красные огни удаляются, грохот колес затихает.

Комиссар ничего не повредил. Он встает. Попутчик лежит метрах в пятидесяти от него. Похоже, что он пострадал сильнее, потому что только сейчас начинает с большим трудом подниматься на ноги.

Совершенно нелепая ситуация. Мегрэ не понимает, какая сила заставила его выпрыгнуть из поезда, в котором его вещи продолжают мчаться к городку Виллефранш в Дордони. Он ведь даже не представляет, где очутился!